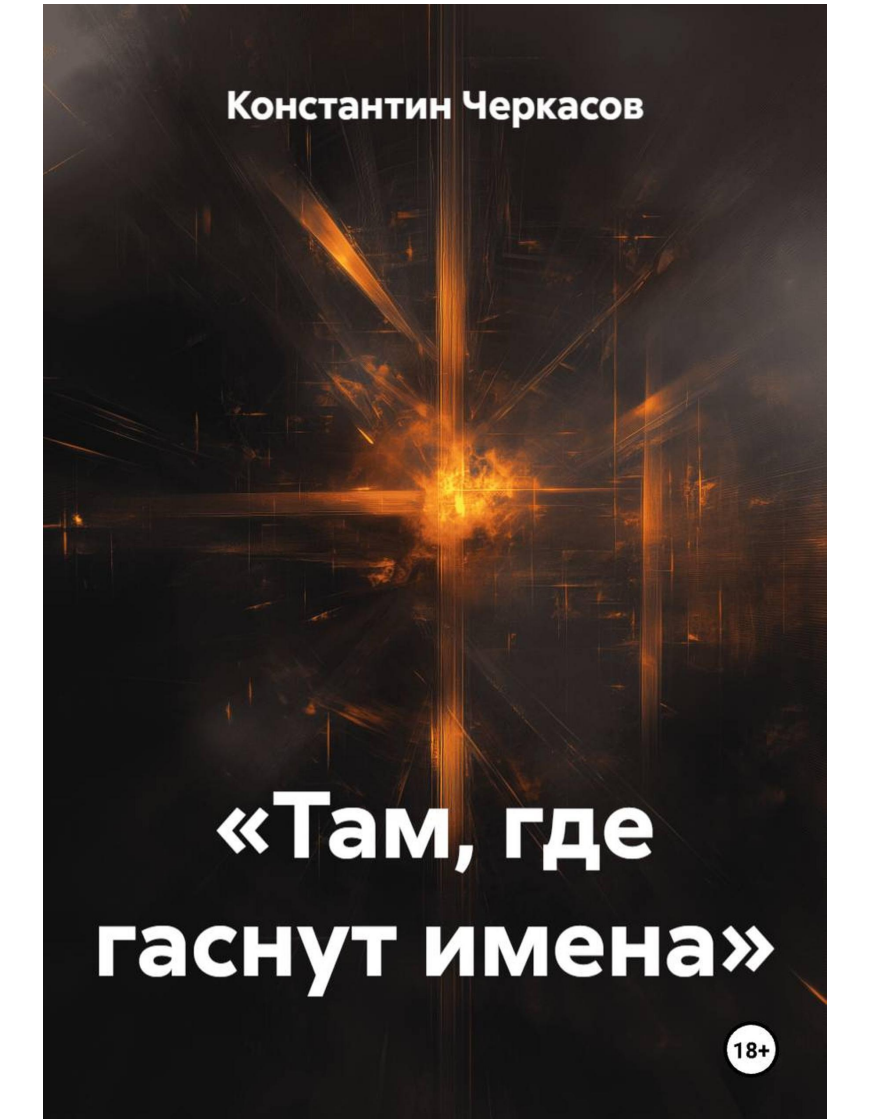




Константин Черкасов

**«Там, где
гаснут имена»**

18+

Константин Черкасов

«Там, где гаснут имена»

<https://litres.ru/74366789>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он бежал из дома, где отчим бил, а мать отворачивалась к стене. Питер обещал свободу, но стал клеткой — здесь Саша продавал тело, тонул в наркотиках, терял имя, друзей, надежду. Диагноз ВИЧ поставил точку, но не остановил — он вернулся, чтобы убить прошлое. Но прошлое оказалось не монстром, а старым, больным человеком, и меч не опустился. Тогда Саша решил уйти сам — перерезал вены на могиле матери. Однако кто-то не дал ему исчезнуть. Это крик из темноты, исповедь мальчика, который не знал, как быть человеком, потому что никто не научил. История о том, как простить мать за слабость, врага за жестокость, а себя — за то, что выжил. И о том, что даже когда гаснут имена, есть шаг от тьмы к свету. Для тех, кто носит внутри войну. Для тех, кто боится, что выхода нет. Выход есть. Всегда. Эта книга не оставляет равнодушным — она бьёт в самое сердце, заставляя заглянуть в собственную бездну и найти там искру.

Константин Черкасов

«Там, где гаснут имена»

Вступление

«Эта история списана с жизни, но имя её главного героя намеренно стерто из памяти страниц — таково было его желание».

Эта книга — не исповедь. Исповедь предполагает прощение, а я не ищу его. Эта книга — скорее карта, нарисованная кровью на клочке бумаги. Карта, ведущая в ту самую темную комнату, куда мы все боимся заглянуть. В ту часть души, где имена стираются, где голоса превращаются в шёпот, а шёпот — в тишину.

Я пишу это не для того, чтобы меня поняли. Я пишу это, потому что молчать больше невыносимо. Потому что, если я не расскажу эту историю, она расскажет меня — и сожрет изнутри, как всегда и было. Это история о мальчике, который слишком рано узнал, что любовь имеет цену, а безопасность — всего лишь иллюзия. О юноше, который бежал от одного ада, чтобы, запыхавшись, влететь в другой, более изощренный. О мужчине, который потерял себя настолько, что перестал видеть разницу между живым и мертвым.

Здесь нет морали. Здесь нет хэппи-энда в том смысле, в

котором вы привыкли его понимать. Здесь есть только осколки воспоминаний, которые врезаются в сознание, стоит лишь чуть надавить, и зловещий свет неоновых вывесок Питера, смешанный с запахом сырой земли маленького кладбища. Это повесть о том, как тени прошлого длиннее, чем жизнь, и как иногда, чтобы стать свободным, нужно сначала сгореть дотла.

«Там, где гаснут имена» — это не данность. Это вопрос. Вопрос о том, можно ли выжить, если тебя никогда не учили жить. Можно ли найти себя, если тебя разобрали на части еще в детстве. И можно ли, в конце концов, остаться человеком, когда мир вокруг тебя — сплошная грязь и ложь.

Я не знаю ответов. Но я искал их. Я искал их в венах, в темноте чужих квартир, в мокрой невской воде и в теплых объятиях моря, которое сулило покой. Я искал их в глазах матери, которые просили прощения за то, что она не спасла меня, и в глазах того, кто нанес мне последний удар.

Эта книга — мой последний крик. И, возможно, мое единственное прощание.

Добро пожаловать в мир, где гаснут имена. Не обещаю, что он вам понравится. Но обещаю, что вы его не забудете.

ЧАСТЬ I. ПРЕДЗЕМЛЬЕ

Глава 1. Тень отца.

Память не хранит целого. Память — это осколки, зазубренные края, которые врезаются в сознание, стоит лишь чуть

надавить. Первый осколок — запах. Он приходит без предупреждения, накатывает волной, и с ним возвращается всё: обои в мелкий цветочек, которые желтели от времени, скрипучий пол в коридоре, свет лампы с потёртым абажуром, который падал на кухонный стол и выхватывал из полумрака крупную фигуру, склонённую над бутылкой.

Запах портвейна, смешанный с махоркой и почему-то с мокрой шерстью — хотя собаки в доме никогда не водилось. Этот запах оседал на шторах, пропитывал подушку, въедался в одежду, и даже после стирки оставался тонким, едва уловимым следом, напоминанием о том, что здесь живёт кто-то, кто медленно уходит в другую реальность.

Так пах отец.

Квартира была маленькой, тесной, с низкими потолками и стенами, которые, казалось, дышали сыростью. Окно выходило во двор-колодец, где никогда не было солнца, только серое небо, мокрый асфальт и редкие прохожие, которые проходили мимо, не поднимая головы. Весной двор заливало талой водой, летом пахло нагретым бетоном и пылью, осенью — прелыми листьями, зимой — холодным металлом, от которого немели пальцы. В этом дворе прошло детство — в этом сером, промозгом пространстве, где время текло медленно, как смола, и каждый день был похож на предыдущий.

Отец сидел за столом, сгорбившись, и его руки — большие, шершавые, с чёрными полосками под ногтями, въевшейся машинной смазкой — сжимали гранёный стакан.

Свет лампы падал на его лицо, освещая глубокие морщины, седины в волосах, запавшие глаза, которые смотрели куда-то внутрь, в точку, которую мог видеть только он.

Мать стояла у плиты, её спина была напряжена, плечи сведены, и всё её тело казалось сжатой пружиной, готовой разорваться от напряжения. Она гремела кастрюлями, звякала ложками, но эти звуки тонули в тишине, которая висела в комнате, плотная, как дым.

— Миш, — сказала она, не оборачиваясь. Голос её был сухим, безжизненным, как осенние листья под ногами. — Завтра в школу к Сашке. Учительница просила.

Отец поднял голову. Его взгляд был мутным, он искал фокус, блуждал по комнате, пока не остановился на углу, где стояла маленькая фигура. Мальчик лет шести, в выцветшей майке, с сбитыми коленками и внимательными глазами, которые уже умели читать то, что скрыто за словами.

— Сашка, — выдохнул отец. Голос его был хриплым, как будто он долго не говорил. — Иди сюда.

Мать резко обернулась, но ничего не сказала. Только сжала губы в тонкую линию и отвернулась к плите, продолжая мешать что-то в кастрюле. Мальчик встал, подошёл к столу. От отца пахло перегаром, но это было привычно, почти родное, как запах дома.

Большие руки легли на плечи — тяжело, чуть дрожа. Отец притянул мальчика к себе, и через рубашку чувствовалось тепло его тела, неровное дыхание, биение сердца — глухое,

с перебоями, как старый мотор, который вот-вот заглохнет.

— Сынок, — сказал он шёпотом, и в этом шёпоте было что-то отчаянное, почти молитвенное. — Ты не будь как я. Ты человеком будь. Слышишь?

Он умер через полгода. Я хорошо запомнил тот день, потому что у меня был день рождения. Мне исполнилось семь лет. Мать испекла пирог с яблоками, и мы ждали отца. Он ушёл утром «по делу» и не вернулся. Вместо него пришли соседи. Помню их лица — белые, испуганные. Помню, как они перешёптывались в прихожей, а мать вышла к ним, и через секунду из коридора донёсся её крик — глухой, звериный, такой, который невозможно услышать во сне, потому что от него просыпаешься наяву. Мальчик кивнул. Он не понимал слов, но чувствовал их тяжесть, их важность. Шершавая ладонь провела по волосам, и это прикосновение было единственным теплом в этой холодной комнате.

Мама стала другой. Не сразу. Сначала она просто молчала. Она не плакала при мне, только смотрела в одну точку и молчала. Пирог с яблоками, который она испекла, так и простоял на столе до вечера, потом она выкинула его в мусорное ведро. Я сидел на табуретке и смотрел, как она это делает. Мне хотелось спросить: «Мам, а отец теперь на небе?», но я не спрашивал. Я боялся, что если открою рот, то всё, что я держу внутри, вырвется наружу вместе с этим пирогом, с его яблочным запахом, смешанным с запахом смерти.

Прошёл год. Мать начала выходить «в люди». Я видел, как

она красит губы, надевает платье, которое давно пылилось в шкафу. Она стала улыбаться — но не мне. Улыбка появлялась на её лице, когда она говорила по телефону с кем-то. Иногда по вечерам она задерживалась, а я сидел у окна, смотрел на тёмную улицу и ждал. Я знал, что она ищет кого-то. Кого-то, кто закроет ту дыру, что прожгла смерть отца. Я не злился.

И однажды она привела его.

Они стояли в прихожей. Мать — смущённая, румяная, держащая его за руку. И он — крупный, с квадратным лицом и маленькими, колючими глазами. Он смотрел на меня сверху вниз, как смотрят на мебель или на пятно на ковре.

— Это Андрей, — сказала мать, чуть запнувшись. — Он будет... он будет жить с нами, Сашенька. Он хороший.

Я посмотрел на него. От него пахло табаком, но не так, как от отца. Это был другой запах — резкий, дешёвый, наглый. Он протянул мне руку, и я подал свою. Его ладонь была сухой, жёсткой. Он сжал мои пальцы так сильно, что я вздрогнул. Он усмехнулся, глядя на мою реакцию.

— Крепкий парень, — сказал он. — Привет, малой.

Его звали Андрей. И с этого момента в нашей квартире появился новый запах. И новая, холодная тень, которая легла на всё моё детство.

А мать... она смотрела на меня, но её взгляд стал другим. В нём появилась вина. И ещё что-то, чего я не мог разобрать в свои семь лет. Мне казалось, она просит у меня прощения

за то, что у неё теперь есть этот человек. Но я ещё не знал, что прощать её придётся за то, что она позволит ему делать со мной.

Я отвернулся и пошёл в свою комнату. За спиной я слышал, как они проходят на кухню, как закипает чайник, как мать звенит ложками, пытаюсь быть счастливой. Я лёг на кровать и уставился в потолок. Там, на потолке, была трещина. Я часто смотрел на неё. Она шла от люстры к углу и напоминала реку. Мне казалось, что если я буду смотреть достаточно долго, то смогу перебраться по этой реке туда, где отец. Где тихо. Где никто не смотрит на меня, как на чужую вещь. Я закрыл глаза и представил, что я всё ещё чувствую запах мокрой шерсти. И заснул.

Так началась вторая глава моей жизни — глава, которую я не хотел бы помнить. Но память, проклятая память... она помнит всё. Каждую оплеуху, каждое унижение, каждый взгляд матери, когда она отворачивалась к стене, чтобы не видеть. И я запомнил. Запомнил и пронёс через годы. Потому что забыть — значит предать того маленького мальчика, которым я был. И я не мог его предать. Даже когда я пытался убить его в себе, он всё равно возвращался.

Глава 2. Чужой в доме.

Первое время Андрей старался быть "хорошим". Я тогда еще не понимал, что это была игра — такая же, как у актеров в дешевом театре, где публика знает, что это обман, но

аплодирует ради приличия. Он приносил матери цветы, говорил ей комплименты, иногда даже гладил меня по голове — и от этих прикосновений у меня внутри всё сжималось в холодный ком, потому что я чувствовал фальшь, которую не умел назвать словами.

Мать расцветала. Она стала меньше молчать, начала смеяться — тем нервным, дребезжащим смехом, который появляется у женщин, когда они убеждают себя, что всё налаживается. Она готовила сложные блюда, которых при отце не было, накрывала на стол, ставила свечи. Я сидел в углу и смотрел на эту постановку. Мне казалось, что я лишний. Что меня пригласили на чужой праздник, но забыли дать подарок.

Андрей работал в таксопарке. Он уходил рано утром и возвращался поздно вечером, и в доме снова становилось тихо. В эти часы мать пыталась говорить со мной. Она садилась рядом, брала мою руку, гладила её и спрашивала:

— Сашенька, тебе нравится Андрей? Скажи честно.

Я молчал. Я не знал, как ответить. Потому что, если сказать "нет", она расстроится. Если сказать "да" — я совру. Я смотрел на неё и видел, как в глазах у неё стоит этот вопрос, как она боится моего ответа, потому что он может всё разрушить.

— Нормально, — выдавливал я., и она выдыхала с облегчением.

Она не понимала, что я уже научился врать. Не пото-

му, что я был плохим ребёнком. А потому что правда была слишком тяжелой для неё. Я уже тогда чувствовал, что мать — это не та крепость, которую можно штурмовать. Это тонкий лёд, и, если ступить слишком сильно — провалишься.

Но лёд треснул через месяц.

Это был обычный вечер. Осень, дождь за окном, серое небо, которое давило на город. Андрей пришёл пьяный — не так, как пил мой отец. Отец пил молча, уходя в себя, становясь прозрачным. Андрей пил с агрессией. Он хлопнул дверью так, что задребезжали стёкла на кухне, сбросил ботинки, не разуваясь, прошагал по коридору и плюхнулся на табуретку.

— Жрать давай! — рывкнул он. Мать засуетилась, загремела кастрюлями. Я сидел в своей комнате, делал уроки. Я слышал каждое слово.

— Надоело, — бормотал он. — Всё надоело. Твой сын... он мне как бельмо на глазу. Вечно вертится, смотрит своими глазками. Будто оценивает.

Мать что-то говорила тихо, успокаивающе. Я слышал её голос — он дрожал.

— Он ничего не делает, — продолжал Андрей. — Ты его балуешь, Людка. Из него мужика не будет. Сопляк, тряпка.

Я замер. Слова врезались в кожу, как острые камни. Я хотел выйти и сказать: "Я не тряпка". Но ноги не слушались. Я сидел, сжимая ручку в кулаке, и чувствовал, как на глаза наворачиваются слёзы. Я запрещал себе плакать. Плакать —

значит, он прав.

Вдруг послышались шаги. Тяжёлые, неровные. Дверь в мою комнату распахнулась, и Андрей стоял на пороге, опираясь на косяк. Его глаза были мутными, но в них горело что-то жёсткое.

— Ты, — сказал он. — Выйди.

Я встал. Мне было восемь лет. Я вышел в коридор, встал перед ним. Мать стояла в дверях кухни, заламывая руки. Она смотрела на нас — и не двигалась.

— Ты что, уроки делаешь? — спросил он, наклоняясь ко мне. От его дыхания разило водкой. — Умный, да? Мамина радость.

Он засмеялся — хрипло, мерзко. А потом схватил мою тетрадь, лежавшую на тумбочке, и разорвал её пополам. Страницы с моими аккуратными буквами разлетелись по коридору, как мёртвые бабочки.

— Ну что, умник? Будешь теперь плакать? — он ткнул меня пальцем в грудь. — Я видел таких. Вырастешь — и будешь таким же ничтожеством, как твой папаша.

Я не знаю, что произошло во мне в тот момент. Может быть, это гнев. Может быть, защита. Я посмотрел на него и сказал тихо, но чётко:

— Мой папа был лучше тебя.

Тишина. Я услышал, как мать ахнула. Андрей замер. Его лицо покраснело, потом побелело. Он поднял руку — и я увидел, как она приближается. Я не увернулся. Удар при-

шёлся по лицу, я отлетел к стене, ударился затылком. Звон в ушах, соль на губах — кровь из разбитой губы. Я упал на пол, и сквозь пелену боли я видел, как он нависает надо мной.

— Мусор! — крикнул он. — Я тебя научу уважать!

Он занёс ногу, чтобы ударить меня, но мать бросилась, между нами. Она упала перед ним на колени, схватила его за руку.

— Андрей, не надо! Он же ребёнок! Прошу тебя!

Она плакала. Я впервые видел её такой. Не просто расстроенной — уничтоженной. Она умоляла его за меня. В этот момент я понял что-то страшное: она не защитит меня силой. Она будет просить. Она будет уговаривать. Она выберет его, потому что боится остаться одна.

Андрей оттолкнул её, но ударить меня больше не ударил. Он плюнул в мою сторону, развернулся и пошёл на кухню, хлопнув дверью.

Мать подползла ко мне, подняла меня, прижала к себе и гладила по голове как будто видела меня после долгого расставания.

— Сашенька, прости, — шептала она. — Он хороший, он просто устал, он не хотел.

Я смотрел на неё и не плакал. Я смотрел на неё и вдруг понял, что мы с ней будем жить в разных мирах. Она будет жить в мире, где Андрей "хороший", а я буду жить в мире, где меня бьют, и меня никто не защитит. Я ничего не сказал тогда. Поднялся. Собрал с пола клочки тетради и аккуратно

сложил их на стол. Я сел за стол и уставился в стену.

Ночью я не спал. Я лежал на спине, смотрел в потолок на ту же трещину, и думал: "А что, если я уйду? Что если я просто встану и уйду в темноту?" Но я не знал, куда идти. У меня не было других дверей.

Андрей вошёл в мою комнату. На цыпочках. Я притворился спящим. Он стоял у кровати, смотрел на меня. Я чувствовал его взгляд — тяжёлый, оценивающий. Он протянул руку и провёл по моим волосам — и я чуть не закричал от омерзения.

— Завтра извинишься, — сказал он шёпотом. — Скажешь, что неправ. И мы забудем.

Он вышел. Я лежал неподвижно до утра, слушая, как стучит моё сердце.

Утром я встал, умылся, пришёл на кухню. Андрей пил чай, как ни в чём не бывало. Мать стояла у плиты, не оборачиваясь.

— Извинись, — сказал он, не глядя на меня.

Я посмотрел на мать. Она молчала. Я перевёл взгляд на Андрея.

— Простите, — сказал я пустым голосом. — Я был неправ.

Он усмехнулся, похлопал меня по плечу, как собаку.

— Молодец. Садись завтракать.

Я сел, жевал кашу и не чувствовал вкуса. Вкус был только один — крови на разбитой губе, которую я проглотил вместе

с завтраком.

И в тот день я дал себе слово. Я не помню, какими словами я это говорил себе, но это было внутри меня — как узел, который затянулся навсегда.

"Я уйду. Я вырасту. Я уйду из этого дома, от этого человека, от этой тишины, которая убивает громче криков. И я никогда не вернусь".

Но я не знал, что этот узел, этот обет, этот зарок станет тем самым якорем, который потом потянет меня на дно. Потому что уйти от боли можно только вместе с частью себя. И эту часть я оставил здесь, в этом коридоре, на этих обоях, пропитанных запахом страха.

Прошло много лет, прежде чем я понял это.

Но тогда, в восемь лет, я только учился выживать. Я учился исчезать. Я учился быть невидимым.

И у меня неплохо получалось.

Глава 3. Немая сцена.

Годы тянулись, как резина, которую медленно растягивают в разные стороны. Я научился жить в этом доме по законам, которые не были написаны, но ощущались кожей. Я знал, когда Андрей придет злой — по тому, как хлопала входная дверь, с каким звуком падали ботинки. Я знал, когда лучше не попадаться ему на глаза — после смены, когда он не заработал достаточно, или в понедельник, когда похмелье делало его злым, как цепной пес. Я знал, когда мать будет

молчать, а когда — оправдывать его.

Но самое страшное было не в этом.

Самое страшное было в том, что я начал привыкать.

Тело мое запоминало удары. Оно знало, как сгруппироваться, когда он замахивался, как подставить плечо, чтобы удар пришелся не в лицо, как откатиться к стене, чтобы он не мог достать ногой. Это не было мужеством. Это было выживанием. Я стал маленьким зверьком, который знает все лазейки в клетке.

К тринадцати годам я вытянулся. Стал выше матери, сравнялся плечами с Андреем. Он замечал это — и это его бесило. Он больше не мог просто швырнуть меня в стену; я мог ответить. Однажды я попытался. Вечером, когда он снова пришел пьяный и начал оскорблять мать, я встал между ними. Я посмотрел ему в глаза и сказал:

— Её не трогай.

Андрей усмехнулся. Но в его усмешке было что-то новое — не просто презрение, а злоба с примесью страха. Он видел во мне мужчину, который вырастает. А мужчина — это угроза. Он не ударил меня тогда. Он ударил мать. Пощечина разнеслась по комнате, как выстрел. Она вскрикнула и упала на диван, закрыв лицо руками.

Я оцепенел. Я смотрел на неё, а она плакала тихо, беззвучно, как тогда в коридоре, когда я учился не плакать вслух.

— Видишь? — сказал Андрей, глядя на меня. — Из-за тебя. Из-за твоего характера. Ты доводишь меня, и я срыва-

юсь на ней. Это ты виноват.

Я сжал кулаки, хотел броситься на него. Я знал, что он старше и сильнее, но во мне поднималась такая волна ярости, что я готов был убить его. И вдруг я посмотрел на мать. Она подняла глаза и взглянула на меня. В её взгляде было что-то, что остановило меня. Она смотрела на меня, как на чужака. Она словно говорила: "Не вмешивайся. Ты все испортишь. Ты лишишь меня его".

И в этот миг я понял, что я для неё — уже не сын. Я — причина её несчастий. Я — напоминание о прошлом, о пьянице-отце, о неудавшейся жизни. И Андрей — это её шанс на жизнь, а я — помеха, которую надо терпеть.

Я разжал кулаки, развернулся и вышел из комнаты. Выйдя на улицу, в холодный вечерний воздух, и остановился у подъезда. Посмотрев на серое небо и, начал дышать. Дышал я глубоко, чтобы не задохнуться. Мне было тринадцать, подросток, который ненавидел свою мать. И в тот же миг я ненавидел себя за эту ненависть. Потому что я знал, что она — жертва. Но я тоже был жертвой. А жертвы почему-то всегда ненавидят друг друга больше, чем палачей.

Вернулся я поздно. В квартире было тихо. Андрей спал в комнате, мать сидела на кухне с кружкой чая. Я прошел мимо неё, но она остановила меня.

— Саша, подойди.

Я остановился. Она смотрела на меня — глаза красные, опухшие.

— Ты должен понять, — сказала она тихо. — Он помогает нам.

— Он бьёт тебя, — сказал я.

— Он устаёт, — ответила она. — Ты не понимаешь. Когда вырастешь, поймешь. Мужчины такие.

— Мой отец не был таким, — сказал я.

Она вздрогнула. В её глазах мелькнула боль. Она отвернулась и посмотрела в окно.

— Твой отец был слабым, — сказала она. — Он не смог дать мне ничего. Он пил, он умирал у меня на глазах, а я должна была смотреть, как он себя губит. Я не хочу больше такого. Я хочу жить.

Она говорила это не мне. Она говорила это себе. Она оправдывалась перед собой за то, что выбрала тирана, а не умерла в одиночестве. И я понял, что мы больше никогда не будем близки. Не как мать и сын. Мы будем соседями по квартире. Мы будем людьми, которые живут в одном пространстве, но в разных мирах.

Я пошёл в свою комнату и закрыл дверь. Сел на кровать и уставился в стену. На стене висел плакат с группой, которую я слушал — иностранные рокеры, громкие, бунтарские. Я смотрел на их лица и представлял, что я там. Что я один из них. Что я свободен, что я путешествую, что никто не бьет меня по лицу и не говорит, что я ничтожество.

Но реальность была другой. Реальность была холодной, как бетонный пол в подьезде.

На следующий день в школе я сидел на уроке и смотрел в окно. Учительница что-то рассказывала о Достоевском, о "Преступлении и наказании". Я не слушал. Я смотрел на облака и думал: "А если бы я убил его? Если бы я просто взял нож и... Что бы я чувствовал?".

Мысль была страшной. Но она пришла и не ушла. Она поселилась где-то глубоко в голове, как семя и что однажды она даст

Дома меня ждал новый сюрприз. Когда я открыл дверь, Андрей стоял в коридоре. Он был трезв — это было необычно. Он держал в руках мой дневник. Тот самый дневник, который я прятал под матрасом, куда записывал свои стихи, мысли, рисунки. Мои тайны.

— Это что? — спросил он, размахивая им перед моим лицом. — Ты стихи пишешь? Сопли? Про любовь?

Я молчал. Я чувствовал, как кровь стынет в жилах. В этом дневнике я писал о том, как хочу сбежать. Я писал о своей ненависти к нему. Я даже нарисовал его карикатуру — уродливую, злую.

— Отдай, — сказал я тихо.

— Отдать? — усмехнулся он. — Нет, Сашок. Ты теперь будешь делать это при мне. Рассказывать, о чём пишешь. А если не расскажешь — я порву его при тебе.

Он раскрыл дневник. Я увидел, как его глаза бегают по страницам. Он читал. И вдруг его лицо изменилось — он нашёл ту самую страницу. Рисунок.

— Это я? — спросил он, и в голосе появилась ледяная тишина. — Ты это нарисовал?

Я не мог сказать ни слова. Он ударил меня дневником по голове. Потом схватил за волосы, притянул к себе.

— Ты ещё смеешь, гадёныш? — он шипел в моё лицо. — Ты — ничто. Ты — отребье. Ты даже не его сын, я знаю. Твоя мать спала со всеми, кто мог дать ей грош. Ты — плод шлюхи.

Я ударил его. Впервые в жизни. Я не думал, не взвешивал, просто поднял руку и ударил в челюсть. Он пошатнулся, но не упал. В его глазах вспыхнуло бешенство — такое, которое я видел только в фильмах ужасов. Он схватил меня за горло, сжал, и я начал задыхаться. Я видел потолок, трещину на нём, видел мать, которая вбежала в комнату.

— Андрей! — кричала она. — Отпусти его! Он же ребенок!

Но он не отпускал. Я хрипел, хватая ртом воздух, и вдруг понял, что сейчас умру. Что он убьет меня. И мать ничего не сделает.

Каким-то чудом я вывернулся, упал на пол, кашляя, хватая воздух, как рыба, выброшенная на берег. Андрей стоял надо мной, тяжело дыша. Он смотрел на меня, и я видел, как он борется с собой — внутри него происходила та же борьба, что и во мне, когда я хотел убить его.

— Собирай вещи, — сказал он вдруг. — Убирайся отсюда.

Мать закричала:

— Нет! Он никуда не пойдёт! Он останется!

— Тогда ты уйдешь с ним, — сказал Андрей. — Выбери, Люда. Я или он.

Мать посмотрела на него. Потом на меня. Я лежал на полу и смотрел на неё. Я знал, что она выберет. Знал с того самого вечера, когда она умоляла его не бить меня. Она выберет того, кто дает ей деньги и иллюзию безопасности.

— Саша, — сказала она тихо. — Иди в комнату.

Я встал и пошёл в свою комнату, закрыл дверь и сел на пол, прислонившись спиной к стене. Я сидел и слушал, как они разговаривают за стеной. Она что-то шептала ему. Он рычал. Потом стихло.

Я закрыл глаза и представил, что я умер. Что меня нет. Что меня никогда не было. Я представлял, как они хоронят меня, как мать плачет, как он стоит рядом с виноватым лицом. Это было единственное утешение, которое я мог придумать. Это было бегство, которое я создал в своей голове.

Тогда я еще не знал, что это бегство станет моей жизнью. Что я буду убегать везде. От него. От неё. От себя.

Но тогда, в тринадцать лет, я только учился мечтать о смерти. Как о спасении.

Прошло два дня. Мы не разговаривали. Андрей не трогал меня. Я ходил по квартире, как тень, стараясь быть невидимым. Мать смотрела на меня с виной, но не говорила ни слова.

А потом произошло то, что я запомнил навсегда.

Мой единственный друг, который был у меня, — Димка, — пришёл ко мне домой. Мы учились вместе, он жил через два дома. Мы сидели в моей комнате, слушали музыку, когда дверь открылась и в комнату зашёл Андрей. Он был трезв, но его глаза были холодными.

— Ты чего тут? — спросил он у Димки, не глядя на меня.

— Я к Саше, — сказал Димка робко.

— Ты знаешь, кто его отец? — спросил Андрей громко, так, чтобы слышно было на всю квартиру. — Его отец был алкашом. Сдох в канаве. А мать — шлюха. Так что лучше тебе дружить с нормальными ребятами.

Я смотрел на Димку. Его лицо побелело. Он смотрел на меня с ужасом — не из-за того, что услышал, а из-за того, что это было сказано так громко, так публично, так жестоко. Он сглотнул.

— Мне пора, — сказал он и выбежал из комнаты.

Я остался один. Андрей вышел, не сказав больше ни слова. Я сидел на своей кровати и смотрел в окно. За окном был серый город, тучи, холодный ветер. Я знал, что Димка больше не придёт. И я знал, что в этом доме у меня никого нет.

Вот тогда я впервые заплакал — не от боли, не от страха. А от того, что меня лишили даже права на дружбу, на нормальную жизнь, на то, чтобы быть просто человеком.

Я плакал долго. Всхлипывая, как маленький. Я обнимал себя за плечи и качался взад-вперёд, как делал в детстве, ко-

гда папа еще был жив. Я пытался вспомнить его голос, его запах — и не мог. Я помнил только тот крик матери, когда она узнала, что он умер.

Я перестал плакать, когда услышал шаги матери. Она вошла. Она села рядом и обняла меня.

— Сашенька, — прошептала она. — Я люблю тебя. Не слушай его. Он просто дурак.

Я молчал и смотрел на неё, чувствовал, как внутри что-то умирает. То, что оставалось от любви.

Она не защитила меня. И я знал, что не защитит никогда. С этого дня я перестал быть сыном. Я стал одиночкой, который готовится к побегу.

И я ждал. Ждал, когда закончится школа. Ждал, когда я смогу уйти. Я считал дни, как заключённый считает удары молотка по камню, который приближал меня к свободе.

Но тогда я не знал, что за свобода меня ждет.

Глава 4. Прощай, маленький город.

Последний год школы я жил как на пороховой бочке. Я знал, что скоро всё закончится, но это "скоро" тянулось бесконечно. Я научился быть незаметным. Я ходил в школу, получал тройки, иногда четвёрки — достаточно, чтобы не привлекать внимания. Я не участвовал в школьных мероприятиях, не ходил на вечеринки, не заводил друзей. Димка, тот единственный друг, после случая с Андреем больше не подходил ко мне. Он просто исчез, как исчезают облака на вет-

ру. И я понял, что в этом городе у меня никого нет. Ни одной души, которая бы вспомнила меня, если бы я пропал.

Андрей, казалось, успокоился. Он почти не трогал меня — может быть, потому что я стал выше него, а может быть, потому что чувствовал, что я уже почти не здесь. Я был как призрак в собственном доме. Я ел, пил, спал, но я не жил. Я ждал.

Мать смотрела на меня с тем же выражением вины, которое я видел с самого детства. Она пыталась говорить со мной, спрашивала о школе, о планах. Я отвечал односложно. Я не хотел её слушать, потому что каждое её слово напоминало мне о предательстве. Она могла бы уйти от Андрея. Она могла бы забрать меня и уехать в другой город, к бабушке, к тётке, к кому угодно. Но она осталась. Она выбрала его. И я принял это как факт, с которым ничего нельзя сделать.

Весной, за два месяца до выпускного, я начал готовиться. Я работал на стройке после школы — нелегально, за наличные, копил деньги. Прятал их в старом учебнике по биологии, который никто никогда не открывал. Я знал, что мне понадобится много денег. Но я не знал, сколько именно. Я просто знал, что накоплю достаточно, чтобы сесть на поезд и не оглядываться.

Однажды вечером я зашёл на кухню за водой. Андрей сидел за столом с бутылкой водки. Он был пьян, но не агрессивен — вялый, размякший.

— Садись, — сказал он, кивнув на стул напротив.

Я сел. Я не хотел, но понимал, что отказ вызовет скандал.

— Ты куда собрался после школы? — спросил он, не глядя на меня.

— Не знаю, — ответил я.

— Не знаешь? — усмехнулся он. — Ты так же, как твой папаша. Ни цели, ни смысла. Ты думаешь, я не вижу? Ты смотришь на меня так, будто я враг. А я тебе ничего плохого не делал. Я тебя кормил, поил, одевал. А ты — неблагодарная тварь.

Я молчал и смотрел на стол, на царапины на дереве, на пятна от кружек.

— Я знаю, что ты копишь деньги, — сказал он вдруг. — Я видел твои заначки. Ты думаешь, я дурак?

У меня похолодело внутри. Я поднял на него глаза. Он смотрел на меня с хитрым, пьяным прищуром.

— Я могу их забрать, — сказал он. — Но не заберу. Ты уедешь — и я вздохну свободно. Не нужен ты мне здесь. Ни ты, ни твоя мать с её вечной виной. Она мне уже надоела — нытьё одно. Но ты... ты уедешь, и я забуду, что ты существовал.

Он засмеялся. Смех был сухим, как треск веток под ногами. Я встал из-за стола.

— Спокойной ночи, — сказал я и вышел.

В тот вечер я сидел у себя в комнате и пересчитывал деньги. Шесть тысяч рублей. Это был 2006 год, и шесть тысяч — это было немного. Но я знал, что билет до Петербурга сто-

ит около двух тысяч. Оставалось четыре на первое время. Я представлял, как я выйду из поезда, как я окажусь на вокзале среди шума, света, толп людей. Я представлял, что я потеряюсь в этой толпе, и никто меня не найдёт. Это была моя мечта — стать никем. Исчезнуть.

Выпускной я не запомнил. Какие-то лица, поздравления, музыка. Я стоял в стороне и смотрел на одноклассников, которые смеялись, обнимались, обещали дружить вечно. Я знал, что меня в их дружбе не будет. Я знал, что через неделю уеду, надеясь, что навсегда.

Дома меня ждал последний разговор с матерью. Я зашёл в её комнату. Она сидела на кровати, сложив руки на коленях.

— Саша, — сказала она. — Я знаю, что ты уезжаешь. Я не глупая.

Я молчал. Она подошла ко мне, взяла мои руки в свои.

— Я не буду тебя останавливать, — сказала она. — Ты мужчина. Ты должен идти своим путём. Но я хочу, чтобы ты знал: я тебя люблю. Прости меня за всё.

Она заплакала. Я смотрел на неё и чувствовал... ничего. Пустоту. Я не мог простить. Я хотел бы, но я не мог. Я просто стоял и смотрел на неё, как на чужого человека. Она отняла руки, отвернулась.

— У тебя есть деньги? — спросила она, не глядя на меня.

— Да.

— Возьми. — Она протянула мне конверт. Внутри была тысяча рублей. — Это немного, но...

Я взял конверт понимая, что это её прощание. Её попытка искупить вину. Но тысяча рублей не могла искупить годы. Годы, когда она молчала. Годы, когда она выбирала его.

— Спасибо, — сказал я.

Я вышел из комнаты, собрал рюкзак — немного вещей, документы, деньги. Вышел из квартиры тихо, чтобы не разбудить Андрея. Он лежал на диване, храпел. Я посмотрел на него в последний раз. Его лицо было расслабленным, почти безобидным. Но я знал, что за этим лицом прячется чудовище. Чудовище, которое било меня, унижало, отнимало друзей.

Я хотел сказать ему что-то напоследок. Но не нашёл слов. Просто вышел и закрыл дверь.

На улице было холодно. Июньский ветер гнал по асфальту тополиный пух. Я пошёл к вокзалу пешком, не хотел брать такси, чтобы никто не спросил, куда я еду. Вокзал был почти пустым в этом маленьком городе. Купив билет до Санкт-Петербурга, я ждал ночной поезд, плацкарт.

Сев на лавку в зале ожидания я смотрел на часы. До отправления оставалось три часа. Я думал о том, что оставляю позади. Мать. Дом. Школу. Всё, что было. Я не испытывал грусти. Я чувствовал только облегчение, как будто с меня сняли тяжёлые цепи.

И вдруг я понял, что не знаю, что делать дальше. Я знал только, что еду в Питер. Я не знал, где буду жить, где работать, что буду есть. У меня не было плана. Было только же-

ление — бежать.

Через три часа поезд отправлялся. Я сел в поезд и он тронулся. Я стоял у окна, смотрел на проплывающие огни маленького города, на фонари, которые гасли один за другим. Город исчезал, и вместе с ним исчезала моя жизнь. Та жизнь, которую я ненавидел. Та жизнь, которая сделала меня тем, кем я стал.

Я не знал тогда, что побег не решает проблем. Что ты можешь уехать за тысячу вёрст, но тени останутся с тобой. Что Андрей не перестанет бить тебя — он будет бить тебя изнутри, голосом, который ты слышишь в своей голове каждый день.

Я не знал этого. Я был молод. Мне было семнадцать.

Я лёг на полку и закрыл глаза. Поезд стучал колёсами, мерно, убаюкивающе. Я представил, что я плыву по реке. Что я — маленькая лодка, которая вырвалась из порта и теперь несётся в темноту, в неизвестность. И я улыбнулся. Первый раз за много лет.

Но в этой улыбке была горечь. Потому что я знал: я не плыву. Я тону. И море, куда я направляюсь, — это не свобода. Это одиночество.

Я заснул под стук колёс. Мне снилось детство. Отец. Мать. Андрей. Они стояли вокруг меня и смотрели. Отец протягивал мне руку, но я не мог до неё дотянуться. Мать плакала. Андрей смеялся.

Я проснулся в поту, когда поезд въезжал в Питер. За ок-

ном был серый, холодный, огромный город.

ЧАСТЬ II. СТОЛИЦА ПОРОКА

Глава 5. Невский проспект.

Петербург встретил меня не как столица, не как город возможностей, а как мокрое, холодное нутро огромного зверя, который дышал сыростью прямо мне в лицо. Я вышел из поезда на Московский вокзал, и первое, что я почувствовал, — это запах. Это был запах чужой жизни — прелой листвы, мокрого асфальта, горелого кофе из автомата и тысяч человеческих тел, которые проходили здесь до меня и оставили свой невидимый след. Воздух был липким, он оседал на коже, проникал в лёгкие, и мне казалось, что я дышу не воздухом, а самой тяжестью этого города.

Я стоял на перроне с рюкзаком за плечами, и мои пальцы сжимали лямки так сильно, что побелели костяшки. Поезд ушёл, оставив после себя только лёгкое дрожание земли и гул, который постепенно затихал в железных сводах вокзала. Люди шли мимо меня — спешащие, усталые, с чемоданами на колёсиках, с детьми за руки, с какими-то своими заботами, которых я не знал и не хотел знать. Я был для них никем. Просто парень в потёртой куртке, с испуганными глазами и рюкзаком, который весил больше, чем моя жизнь.

Я сделал шаг вперёд, и мои ноги коснулись питерского асфальта. Он был мокрым, хотя дождя не было — просто влажность, которая поднималась от Невы и разливалась по всему

городу, как невидимая река. Я поднял голову и увидел Невский. Он простирался передо мной, широкий, шумный, переполненный машинами и людьми. Фасады зданий, жёлтые, белые, серые, смотрели на меня сотнями окон, как глаза, которые следили за каждым моим движением. Я чувствовал себя мышью в лабиринте. И это чувство было одновременно страшным и освободительным.

Я пошёл вперёд, не зная куда. Мои ботинки стучали по мокрому асфальту, и этот звук сливался с грохотом трамваев, с шумом машин, с голосами, которые вырывались из открытых окон кафе и магазинов. Я прошёл мимо Казанского собора, и его колоннады показались мне огромными, почти мистическими, как будто они уходили в небо и растворялись в серой пелене облаков. Я остановился на секунду и посмотрел на людей, которые стояли в очереди у входа. Старушки в платках, молодые пары, туристы с фотоаппаратами. Они казались мне призраками, теньями, которые двигались в другом измерении. Я был здесь, но я не был частью этого.

Вечером я снял койку в хостеле на Лиговском проспекте. Это было дешёвое место — грязное, с ободранными обоями и запахом сырости, который пропитал каждую щель. Комната на шесть человек, и в ней пахло чужими телами, дешёвым табаком и чем-то сладким, что я не мог определить. Моя койка стояла у окна, и я лёг на неё, глядя в потолок. Он был таким же потрескавшимся, как в детстве, и на нём тоже была трещина, которая шла от люстры к углу. Я смотрел на эту

трещину и думал, что мир не меняется. Где бы я ни был, он всегда напоминает мне о доме. О том доме, где я научился ненавидеть.

Ночью я не спал. Я слушал, как дышат другие люди в комнате — кто-то храпел, кто-то бормотал во сне, кто-то ворочался. Я слышал, как за стеной плакал ребёнок, как кто-то ругался на кухне, как за окном проезжали машины, разбрызгивая грязь. Город не затихал. Он жил своей жизнью, и я был в нем случайным наблюдателем, которого никто не ждал.

На следующий день я пошёл искать работу. Я обошёл десятки мест — стройки, склады, автомойки, маленькие кафе. Везде спрашивали прописку, паспорт, трудовую книжку. У меня ничего этого не было. Я был тенью, который не может найти места в мире живых. Хозяин одной автомойки, толстый человек с красным лицом, посмотрел на меня с презрением и сказал: "Таких как ты — толпа. Иди в другую очередь". Я вышел на улицу, и в груди у меня закипала злость — не на него, а на себя. На то, что я не могу быть нормальным. На то, что я не знаю, как жить.

Деньги таяли. Я покупал дешёвый хлеб и воду, растягивал их на несколько дней. Я сидел на скамейке на Невском, смотрел на прохожих и чувствовал, как голод сводит желудок. Люди шли мимо, не замечая меня. Кто-то смеялся, кто-то держал за руки своих детей, кто-то ел мороженое и облизывал губы. Я смотрел на них и чувствовал странную отстранённость. Они были из другого мира, из той жизни, где у

людей есть дома, семьи, будущее. А у меня было только прошлое, которое я нёс за плечами как тяжёлый мешок с камнями.

Однажды вечером я вернулся в хостел и увидел, что на моей койке сидит парень. Он был старше меня, с длинными волосами, собранными в хвост, с серьгой в ухе и цепью на шее. Его глаза были светлыми, почти прозрачными, и в них горел какой-то особенный огонь — не злой, но опасный. Он курил сигарету и смотрел на меня с лёгкой, ленивой усмешкой, как будто читал меня насквозь.

— Ты Алексей? — спросил он, выпуская дым в потолок.

— Саша, — поправил я.

— Какая разница, — усмехнулся он. — Я Олег. Слышал, ты тут новенький. Потерялся?

Я молчал. Он встал и подошёл ко мне ближе, заглянул в глаза. В его взгляде было что-то цепкое, что-то, что не отпускало.

— Знаешь, я вижу таких, как ты, — сказал он тихо. — Ты бежишь от чего-то. Или от кого-то. У тебя глаза как у загнанного зверя.

— С чего ты взял? — спросил я, и мой голос дрогнул.

— У нас тут все такие, — ответил он. — Сбежавшие. Забытые. Мы нашли друг друга. Если хочешь — приходи. Есть место, где ты можешь забыть, кто ты.

Он протянул мне сигарету. Я взял. Я не курил раньше, но в тот момент мне казалось, что это правильно. Что это часть

нового мира, в который я вхожу. Я затаился, и дым обжёг горло. Я закашлялся, и Олег засмеялся, но в его смехе не было злорадства. Он похлопал меня по плечу и сказал:

— Привыкнешь. Мы все через это проходили.

Я пришёл через два дня. Он дал адрес — Васильевский остров, старый дом с облупившейся лепниной и тёмным подъездом, который пах мочой и плесенью. Я поднялся на четвёртый этаж и постучал в дверь. Она открылась, и я увидел комнату, залитую жёлтым светом старой лампы. Запах ударил мне в лицо — резкий, сладковатый, терпкий. Запах марихуаны, пота, чего-то горелого и одновременно манящего.

Комната была огромной, с высокими потолками, с облупившейся лепниной на стенах, с диванами, покрытыми пледом, с подоконниками, на которых стояли пустые бутылки и пепельницы. Люди сидели на полу, на диванах, на стульях — человек десять, все молодые, с горящими глазами. Кто-то слушал музыку — громкую, резкую, с гитарными рифами, которые резали воздух. Кто-то танцевал, закрыв глаза, растворяясь в ритме. Кто-то целовался в углу, не обращая внимания ни на кого.

Олег сидел на диване, развалившись, с бутылкой коньяка в руке. Он увидел меня и махнул рукой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.